

несравненно больше острых мыслей, тонкой критики и разумных наставлений».²⁸

Это показывает, что русскому читателю были ясны внутренние возможности произведений, по внешности напоминавших авантурные «восточные» истории. Читатели умели находить в подобных произведениях скрытый смысл, о котором говорил Вольтер в предисловии к «Задвигу».

Иногда писатели, опасаясь, как бы читатель не прошел мимо истинного смысла повести, намекали на него сами. Примером может служить вступление к мнимо волшебной повести Хераскова «Золотой прут» (1782), якобы переведенной, как сказано на титульном листе, «с арабского языка»: «Сия достопамятная книга недавно напечатана была в Константинополе вместе с Белизарием;²⁹ но великий Муфтий, догадавшись, что в оных двух книгах больше смысла, нежели в мозгу у всех бывших и будущих Муфтиев, сей великий Муфтий доказал Султану, никогда книг не читающему, что Музульманам вредно читать таковые сочинения, а паче того вредно заводить на Турецком языке тиснения. Уничтожил он сие благоразумное художество, и так ни Белизарий, ни Албекировы приключения не могли быть напечатаны».³⁰

Просветительские философские повести, начиная с вольтеровских, утверждали культ разума, доказывали необходимость переустройства общества на началах разума и справедливости. Поэтому основная их тема — отношения людей в обществе, точнее: отношения различных по положению людей друг к другу и к обществу.

Это определило круг образов, характерный и для русской «восточной» повести. Если учесть, что в произведениях такого рода пропагандировались самые популярные для своего времени идеи, которые часто превращались в общее место, то станет понятным, почему в процессе развития жанра выработались трафаретные образы: скучающий «от веселостей» государь, время от времени изъявляющий желание «знать истину» о положении своего народа; визирь, за благородство ненавидимый придворными; его антагонист — корыстный муфтий или кадий; дервиш; добродетельный поселянин и т. д.

Конечно, большое внимание уделялось первому члену общества — государю. Повести, где в центре внимания находилась личность государя, наиболее интересны в идейном отношении. Они входят в круг просветительской литературы, которая пропагандировала идеи просвещенного абсолютизма и наталкивала читателей

²⁸ Там же, стр. 47.

²⁹ «Велизарий» Мармонтеля.

³⁰ М. Херасков. Золотой прут. Восточная повесть. Переведена с арабского языка. М., 1782, стр. 87—88.